Эрика Сандлер

18+

Верховный дракон завоевывает неприступную

Эрика Сандлер

Верховный дракон завоевывает неприступную

«Автор»
2026

Сандлер Э.

Верховный дракон завоевывает неприступную / Э. Сандлер — «Автор», 2026

Двенадцать лет Кайра Тэн скрывает запретный дар Пепла под маской серой мыши. Она невидимка в Академии Вечерней Зари, и у неё лишь одна цель — выжить и очистить имя казнённого отца. Дариан Вальдгренн-Сталь — безупречный наследник Дома Стали, идеальный солдат системы, живущий по правилам и долгу. Они ненавидят друг друга.Но когда в стенах Академии начинают находить обескровленные тела с выжженными магическими каналами, Совет связывает их нерушимой Клятвой-Симбиоз.Теперь они не могут отойти друг от друга дальше, чем на сто метров. Они вынуждены касаться друг друга, чтобы выжить, и чувствуют чужую боль, страхи и сны как свои. Чтобы остановить убийцу, им придётся довериться друг другу. Вот только что страшнее: монстр, скрывающийся во тьме Подземелий, или осознание того, что твой злейший враг — единственный человек, способный исцелить твои шрамы?

© Сандлер Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Серая пыль на ладони 5
Глава 2. Стандарт 8
Глава 3. Сад, где не растут тени 12
Глава 4. Тени в коридорах 20
Глава 5. Клятва на крови и серебре 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Эрика Сандлер
Верховный дракон завоевывает неприступную

Глава 1. Серая пыль на ладони

Мне было семь, когда я узнала, как пахнет смерть.

Не гнилью, не кровью — не тем, чем пугают детей в приютских страшилках. Смерть пахнет озоном. Как воздух перед грозой, только гуще, слаще, с металлическим привкусом на языке. Как будто кто-то сжёг молнию и заставил тебя вдохнуть пепел.

Я стояла на плечах у матери. Помню её руки — крепкие, тёплые, пахнущие лавандой и тестом. Помню, как она сказала: «Смотри, Кайра. Запомни его лицо». Я не понимала зачем. Думала — игра. Думала, мы пришли на праздник, потому что вокруг было много людей и кто-то продавал сахарные петушки на палочке.

А потом я увидела эшафот.

Отец стоял на коленях. Руки в кандалах — не обычных, железных, а чёрных, матовых, с прожилками серебра. Анти-магические. Я не знала тогда, что это значит. Знала только, что отец никогда не стоял на коленях. Он был высокий, как дерево, и когда смеялся, пол дрожал. А теперь стоял на коленях. Маленький. Тонкий. Как будто из него вынули все кости и оставили только оболочку.

Лорд Вальдгренн-Сталь читал приговор. Я не слушала слов. Смотрела на отца. Он смотрел на меня. Улыбался. Губы шевельнулись. Я прочитала по ним, потому что он всегда так делал — играл со мной в «прочитай, искра».

Пепел помнит.

Потом палач поднял клинок. Не меч. Что-то другое — длинное, белое, светящееся изнутри, как кость, пропитанная солнцем. Клинок Рассвета. Я узнала его потом. В учебниках. В разделе «История преследований». А тогда я видела только, как отец закричал. Не от боли. От того, что из него вырывалось. Серый дым. Серый, живой, пульсирующий дым, который был им. Его магией. Его сутью. Дым вырывался клочьями, как вата из распоротой подушки, и рассеивался в воздухе. Отец кричал, пока дым не кончился. А потом замолчал. И упал.

Мать закрыла мне глаза. Но поздно. Я видела.

Одна пылинка серого пепла упала мне на ладонь. Впилась. Как заноза. Я вскрикнула. Мать прижала меня крепче. Толпа ревела. Кто-то кричал «слава Совету». Кто-то плакал. Сахарный петушок выпал из чьей-то руки и разбился о брусчатку.

Шрам на ладони остался. Тонкий. Серый. Как трещина в фарфоре.

Мне было семь.

Теперь мне девятнадцать. И я всё ещё чувствую запах озона, когда закрываю глаза.

✦

— Тэн. Тэн! Кайра Тэн, вы опять витаете.

Голос магистра Ивэна Кросса вернул меня в лекционный зал Башни Камня. Я моргнула. Тридцать пар глаз смотрели на меня. Кто-то хихикнул. Кто-то отвёл взгляд — с ними проще, с теми, кто отводит.

— Простите, магистр, — сказала я. Голос ровный. Скучный. Идеальный голос серой мыши.

Ивэн смотрел на меня поверх очков. Сухой, жёлтый, как старый пергамент. Седая щетина, запах дешёвого виски из кармана пиджака. Он был единственным преподавателем, который не смотрел сквозь меня. Может, потому что знал. Не всё. Но достаточно.

— Повторите, пожалуйста, формулу стабилизации четвёртого порядка, — сказал он.

Я повторила. Неправильно. Намеренно. Перепутала третий и седьмой компоненты. Ивэн поморщился.

— Неверно. Садитесь. Два балла.

Я села. Затылком чувствовала взгляды. *Дочь предателя. Серая Тэн. Та, у которой отец был Пепельным.* Шёпот. Всегда шёпот. Двенадцать лет в Академии — сначала приют, потом поступление, потом пять лет в Башне Камня — и шёпот не менялся. Менялись только слова. Суть оставалась.

Рядом со мной сидела Мира Гальдхейм — дальняя родственница Торена, добродушная, как булыжник. Она наклонилась:

— Ты в порядке?

— В порядке.

— Ты опять ответила неправильно.

— Я не ошиблась. Я просто не знаю.

Мира посмотрела на меня. Не поверила. Но не стала давить. За это я её любила.

Лекция продолжилась. Я рисовала на полях конспекта. Не формулы. Трещины. Серые молнии, расходящиеся от центра. Рисовала их столько, сколько помнила себя. Не знаю почему. Рука сама тянулась.

✦

Вечер. Башня Камня, седьмой этаж, комната под самой крышей. Моя комната. Самая маленькая, самая холодная, с окном, выходящим на глухую стену Сердца. Мне дали её на первом курсе. «Свободных комнат не осталось, Тэн». Конечно. Не осталось. Для дочери казнённого мятежника не остаётся.

Комната — шесть шагов в длину, четыре в ширину. Кровать, стол, стул, шкаф. Стены из чёрного камня, пронизанного серебряными жилами. Зимой камень тянет тепло. Летом — холод. Сейчас октябрь, и в комнате пахнет сыростью и пылью.

Я бросила сумку на кровать. Села. Достала из-под матраса книгу — не учебник. Запрещённый текст. *«Теория седьмой Частоты: Пепел как завершение цикла»*. Обложка потрёпанная, страницы пожелтевшие. Я читала её столько раз, что знала наизусть. Но перечитывала. Как молитву. Как письмо от мёртвого.

В дверь постучали. Я сунула книгу обратно.

— Открыто.

Вошла Лира. Лира Мортвейн. Башня Тени. Моя единственная подруга. Высокая, тощая, с копной рыжих волос, которые она заплетала в тридцать косичек и украшала бусинами из чёрного стекла. Сегодня на ней было платье цвета полуночи, расшитое серебряными мотыльками, и туфли на каблуке, от которых стучало на весь коридор.

— Ты пропустила ужин, — сказала она, закрывая дверь.

— Не голодна.

— Ты всегда не голодна. А потом падаешь в обморок на практике. — Лира села на край кровати, подтянула колени к груди. — Что было на лекции?

— Ничего. Ивэн гонял по формулам. Я ответила неправильно.

— Намеренно.

Я посмотрела на неё. Она закатила глаза.

— Кайра. Я знаю тебя четыре года. Ты не можешь перепутать третий и седьмой компоненты. Ты их во сне напишешь.

— Может, я устала.

— Может. — Лира помолчала. Потом тише: — Я видела тебя вчера. В кладовой на третьем этаже.

Я замерла.

— Я не...

— Я не видела, что именно ты делала, — перебила Лира. — Я видела, как ты выходила. Серые пальцы. Ты их прятала. — Она смотрела на меня. Без осуждения. Без страха. Просто смотрела. — Я не спрашиваю, что это. Я спрашиваю: тебе нужна помощь?

Тишина. Дождь за окном. Кап-кап-кап по карнизу.

— Нет, — сказала я.

Лира кивнула. Не поверила. Но не стала давить. За это я её тоже любила.

— Ладно. Тогда я принесла тебе пирог. С мясом. Из столовой. Ешь.

Она достала из-под плаща завёрнутый в ткань кусок. Положила на стол. Встала. Обняла меня — коротко, крепко. Пахла жасмином и чем-то тёмным, дымным. Магия Тени всегда пахнет дымом.

— Завтра межбашенный экзамен, — сказала она у двери. — Ты готова?

— Более чем.

— То есть ты готова быть посредственной?

— Именно.

Лира усмехнулась. Вышла. Туфли простучали по коридору. Затихли.

Я съела пирог. Тёплый, солёный, с хрустящей корочкой. Вкусный. Я жевала и смотрела в окно. На глухую стену Сердца. На трещины в камне. На серую пыль, оседающую на подоконнике.

Потом встала. Заперла дверь. Задвинула шкаф. Открыла потайную панель в стене — я выдолбила её на втором курсе, по миллиметру за ночь. Внутри — ниша. В нише — ничего. Пустое пространство. Но мне нужна была не ниша.

Я прижала ладонь к задней стенке. Шрам на левой руке заныл. Я закрыла глаза. Потянулась. Не к Эфиру снаружи. К Эфиру внутри. К тому, что пряталось под кожей, под рёбрами, под сердцем. К серому. К тихому. К тому, что убивало.

Пепел отозвался. Как всегда. Тихо. Нежно. Как отец, кладущий ладонь на макушку. *Я здесь, искра. Я всегда здесь.*

Я открыла глаза. На кончиках пальцев — серый налёт. Тонкий, как пепел от свечи. Я сжала кулак. Налёт исчез. Впитался обратно.

Ещё не время. Ещё два года. Диплом. Архивы. Серые Костры. Правда. Реабилитация. Не месть — нет. Месть слишком проста. Мне нужно, чтобы Пепел перестал быть приговором. Чтобы ни один ребёнок не стоял на плечах матери и не смотрел, как из отца вырывают душу.

Я легла на кровать. Не раздеваясь. Уставилась в потолок. Трещины в камне. Серые жилы. Как вены. Как молнии. Как шрамы.

Пепел помнит, искра.

— Помню, папа, — прошептала я. — Помню.

За окном Академия Вечерней Зари погружалась в сумерки. Вечные сумерки. Над горой Антрацит никогда не бывало полного дня или полной ночи. Только серое. Только пепельное. Как мои глаза. Как мой шрам. Как моя магия.

Я закрыла глаза.

И уснула. И мне снился запах озона.

Глава 2. Стандарт

Подъём в пять. Всегда в пять. Не потому что нужно — первая тренировка в шесть, лекции в восемь. А потому что в пять утра мир ещё не успевает потребовать от тебя чего-то, чему ты не можешь соответствовать. В пять утра ты просто тело. Дыхание. Холодный пол под босыми ногами.

Я сел. Кровать заправлена. Всегда заправлена — даже во сне я не двигаюсь настолько, чтобы смять покрывало. Бабка говорила: «Порядок в постели — порядок в голове. Порядок в голове — порядок в мире». Я не помню, когда перестал проверять, правда ли это. Просто заправлял.

Комната. Восемь шагов в длину, шесть в ширину. Башня Стали, четвёртый этаж. Не под крышей, как у прочих, — на уровне глаз. Окно выходит на внутренний двор. Стены из того же чёрного камня, но здесь серебряные жилы толще, ярче. Они светятся в темноте. Слабо. Как вены под кожей.

Каждая вещь на своём месте. Меч на стойке у стены — тренировочный, без Эфира. Форма на плечиках, застёгнутая до воротника. Книги по ранжиру: теория, практика, история, право. На столе — ни пылинки. На стене — портрет.

Я смотрю на него каждое утро. Три секунды. Не больше.

Дед. Лорд Кассиан Вальдгренн-Сталь. Мёртв одиннадцать лет. На портрете — живой. Высокий, прямой, с серебристыми волосами и глазами цвета зимнего неба. Такие же, как у меня. Говорят. Я не вижу сходства. Я вижу только взгляд. Тяжёлый. Оценивающий. *Ты достаточно хорош сегодня, Дариан? Ты оправдал?*

Три секунды. Я отворачиваюсь.

Умывание. Холодная вода. Всегда холодная. Горячая расслабляет, а расслабление — трещина в броне. Бритва. Три движения. Левая щека, правая, подбородок. Шрам на правой брови — не трогаю. Он с шестнадцати лет. Тренировка. Торен случайно задел. Не виноват. Но шрам остался. Бабка сказала: «Хорошо. Помни, что боль реальна».

Форма. Серый мундир Башни Стали. Застёгиваю каждую пуговицу. Восемь сверху, шесть на манжетах. Кольцо-печатка на правую руку. Серебряный волк, сжимающий меч. Холодит палец. Всегда холодит.

Завтрак. Я ем один. Не в общей столовой. В малой гостиной Башни Стали, за столом на одного. Каша. Хлеб. Чай без сахара. Бабка не одобряет сахар. «Сладость делает ум вялым». Я не знаю, правда ли это. Но не кладу.

В шесть — тренировка. Меч. Без магии. Традиция Дома. Сталь не создаётся Сталью — так говорил дед. Сталь создаётся руками, потом, повторением. Я бью манекен. Двести ударов. Триста. четыреста. Костяшки горят. Плечо ноет. Я не считаю боль. Боль — информация. Не враг.

В семь — душ. Снова холодный. Форма. Зеркало. Проверка. Волосы убраны. Глаза сухие. Лицо — ничего. Маска. Не маска. Стандарт. Вальдгренн-Сталь не носит масок. Вальдгренн-Сталь и есть маска.

✦

— Дариан.

Голос бабки не звонит. Не кричит. Не просит. Он просто есть — как стена, в которую упираешься. Архимаг Сигрид Вальдгренн-Сталь. Ректор Академии. Глава Дома. Моя бабка. Семьдесят два года. Выглядит на пятьдесят. Спина прямая, как клинок. Волосы — стальная седина, собранная в узел. Глаза — мои. Или мои — её. Неважно.

Я стою в её кабинете. Сердце Академии, верхний этаж. Круглая комната. Стены из прозрачного камня — видно всю гору, все Башни, весь двор. Сигрид сидит за столом. Не пишет. Не читает. Смотрит на меня.

— Межбашенный экзамен сегодня, — говорит она. Не вопрос. Констатация.

— Да, бабушка.

— Ты покажешь Клинок Истины.

Я молчу. Секунду. Две.

— Полную версию?

— Полную. Совет должен видеть. Дом должен видеть. Ты должен получить ранг Огонь к концу года. Это не обсуждается.

— Да, бабушка.

Она кивает. Разговор окончен. Я поворачиваюсь.

— Дариан.

Останавливаюсь. Не оборачиваюсь.

— Ты мой внук. Единственный наследник. Всё, что ты делаешь, отражается на Доме. Помни это.

— Помню.

Выхожу. Дверь закрывается за спиной. Тихо. Бесшумно. Как всё в жизни бабки. Ни одного лишнего звука. Ни одного лишнего движения. Ни одного лишнего чувства.

В коридоре я прислоняюсь к стене. На три секунды. Не больше. Потом выпрямляюсь. Иду.

✦

Экзамен. Сердце Академии. Ритуальный зал. Три тысячи мест. Заполнены. Все курсы. Все Башни. Семь деканов в креслах на возвышении. Сигрид в центре. Рядом — представители Инквизиции. Белые плащи. Я не смотрю на них. Не люблю. Не потому что боюсь. Потому что они смотрят так, будто видят тебя насквозь. И то, что видят, им не нравится.

Я сижу в секторе Башни Стали. Спина прямая. Руки на коленях. Рядом Торен Гальдхейм — Башня Камня, но сидит рядом, потому что мы... друзья. Слово, которое я произношу с трудом. Торен большой. Добрый. Молчаливый. Смотрит на меня и говорит:

— Ты белый.

— Я всегда белый.

— Ты белее обычного. Расслабь челюсть.

Я расслабляю. Не знал, что сжимал.

Экзамен идёт. Ученики выходят по очереди. Демонстрируют заклинание. Отвечают на вопросы. Совет оценивает. Четвёртый курс, пятый курс. Башня Ветра. Башня Крови. Башня Тени. Лира Мортвейн создаёт иллюзию целого леса в зале. Деревья шумят. Птицы летят. Аплодисменты. Лира кланяется. Улыбается. Смотрит в зал — и я вижу, как её взгляд находит кого-то в секторе Башни Камня. Задерживается. Потом уходит.

Башня Камня. Ученики. Посредственно. Крепко. Скучно. Магистр Ивэн Кросс сидит в кресле декана и выглядит так, будто хочет выпить. Потом — она.

Кайра Тэн.

Я не знаю, почему я смотрю. Не знаю, почему запоминаю. Серо-зелёные глаза. Короткие, неровно стриженные тёмные волосы. Форма расстёгнута на воротнике. Рукава закатаны. На шее — тонкая цепочка с чем-то серым. Выходит. Не смотрит в зал. Смотрит в пол.

Говорит:

— Кайра Тэн. Башня Камня. Пятый курс. Демонстрация: укрепление базового порядка.

Поднимает руку. Камень под её ногами уплотняется. Простая структура. Третий ранг. Может, второй. Слабо. Скучно. Совет не аплодирует. Кивает. Кто-то зевает. Тэн уходит. Не смотрит на Совет. Не смотрит в зал. Смотрит в пол. Как будто её нет.

Я должен забыть. Забываю.

✦

Моя очередь.

Я выхожу в центр зала. Три тысячи глаз. Тишина. Я не чувствую страха. Чувствую долг. Это не одно и то же. Страх парализует. Долг двигает.

Говорю:

— Дариан Вальдгренн-Сталь. Башня Стали. Пятый курс. Демонстрация: Клинок Истины.

Поднимаю правую руку. Кольцо-печатка вспыхивает серебряным. Эфир собирается. Не снаружи — изнутри. Из костей. Из крови. Из того места за грудиной, где живёт Сталь. Формула. Жест. Расход.

Клинок рождается.

Не из металла. Из чистого Эфира. Серебристо-белый, полупрозрачный, длиной в локоть. Он не режет плоть. Он режет ложь. Любая иллюзия, любое заклинание, любой обман рассыпаются перед ним, как пепел на ветру. Я держу его три секунды. Пять. Десять. Зал молчит. Потом — аплодисменты. Совет встаёт. Сигрид кивает. Один раз. Но кивает.

Я отпускаю Клинок. Он растворяется. В груди — пустота. Расход. Большой. Но я не показываю. Не шатаюсь. Не дышу тяжело. Кланяюсь. Иду на место. Торен хлопает меня по плечу. Я не реагирую. Но не сбрасываю руку.

✦

Экзамен окончен. Коридоры Сердца. Толпа. Гул. Я иду к выходу. Не спешу. Не смотрю по сторонам.

И сталкиваюсь.

Буквально. Плечо в плечо. Книги летят на пол. Кто-то вскрикивает. Я смотрю вниз. Кайра Тэн. Сидит на полу. Собирает книги. Не смотрит на меня. На пол. Как будто меня нет.

Я должен пройти. Прохожу. Но останавливаюсь. Не знаю почему. Поворачиваюсь. Смотрю на неё. Она поднимает голову. Серо-зелёные глаза. В них — ничего. Не страх. Не злость. Пустота. Как у человека, который научился не существовать.

Я говорю. Не хотел говорить. Но говорю:

— Удивительно, что тебя вообще допустили до экзамена. В моём Доме детей казнённых мятежников не пускают даже на порог.

Слова выходят ровные. Холодные. Стандарт. Я слышу себя со стороны и не узнаю. Это не я. Это бабка. Это дед. Это Дом. Но слова уже в воздухе.

Она смотрит на меня. Долго. Потом говорит. Тихо. Не кричит. Не злится. Просто говорит. Как констатирует.

— В твоём Доме детей заставляют целовать руку, которая подписала смертный приговор. Удивительно, что ты можешь после этого смотреть в зеркало.

Что-то внутри сдвигается. Не ломается. Сдвигается. Как пластина в механизме, вставшая не в тот паз. Я чувствую, как белею. Как сжимается челюсть. Рука тянется к мечу на поясе — артефактный, фамильный, работа деда. Не для удара. Для угрозы. Для порядка.

Я выхватываю клинок. Серебро вспыхивает. Зал замирает.

Она не отступает. Встаёт. Смотрит на лезвие. Потом на меня. Протягивает руку. Касается кончиками пальцев.

И меч рассыпается.

Не ломается. Не трескается. Рассыпается. Как пепел. Как пыль. Серебряные крупинки падают на пол. Звенят. Тихо. Как колокольчик на ветру.

Я смотрю на обломки. На пустую рукоять в своей руке. На неё. Она уже уходит. Не оглядывается. Не бежит. Идёт. Спокойно. Как будто ничего не произошло.

Я стою. Три тысячи человек смотрят на меня. На пустую рукоять. На серебряную пыль на полу.

Торен подходит. Кладёт руку на плечо. Говорит тихо:

— Дар. Идём.

Я иду. Не оглядываюсь. Но чувствую. Спиной. Затылком. Кожой. Чувствую, как она уходит. И чувствую что-то ещё. Что-то, для чего у меня нет названия. Не гнев. Не унижение. Что-то глубже. Как будто кто-то провёл иглой по кости. Тихо. Аккуратно. И оставил царапину, которая не заживёт.

✦

Вечер. Моя комната. Я сижу на кровати. Обломки меча на столе. Серебряная пыль. Я не могу заставить себя убрать. Смотрю на неё.

Дети казнённых мятежников.

Я говорю это каждый день. Говорю себе. Говорю миру. Дети казнённых мятежников. Враги порядка. Угроза. Пепел. Так учил дед. Так учит бабка. Так написано в учебниках.

Но она коснулась моего меча. И он рассыпался. Никто не может разрушить артефактную Сталь. Никто. Ни Пламя, ни Камень, ни Ветер. Только одно. Только та самая Частота, которую запретили восемьсот лет назад.

Пепел.

Она — Пепел.

Я сижу. Смотрю на пыль. В голове — её слова. *Целовать руку, которая подписала смертный приговор.* Подпись деда. Дело Тэна. Я читал его. Вчера. В архиве. Обвинения: заговор, терроризм. Доказательства: нет. Только подпись.

Я сжимаю кулак. Костяшки белеют. Не бью стену. Не сегодня. Сегодня я просто сижу. И смотрю на серебряную пыль. И думаю.

Впервые за долгое время — не о долге. Не о Доме. Не о стандарте.

О серо-зелёных глазах. Которые не отвелись.

Глава 3. Сад, где не растут тени

Ночь в Академии Вечерней Зари никогда не бывает чёрной. Вечные сумерки, наложенные на гору Антрацит восемьсот лет назад, окрашивают небо в цвет bruised plum — тёмно-сливовый, с фиолетовыми прожилками, как синяк под глазом великана. Звёзд не видно. Только слабое, болезненное сияние Эфира, сочащееся из трещин в скальной породе.

Я шла по восточному склону, где камни были особенно острыми, а трава — серой и колючей. Сад Пепла находился именно здесь. Официально его не существовало. На картах Академии это место было обозначено как «Складской сектор 4, заброшен, несущие конструкции нестабильны». Но я знала правду. Я знала её с третьего курса, когда, убегая от пьяных старшекурсников Башни Пламени, провалилась в овраг и нашла дыру в стене.

Стена была не из камня. Из застывшей боли.

Я проскользнула в узкий пролом, familiar scratch of rough stone against my shoulder (знакомый скрежет грубого камня о плечо). Внутри было тише, чем в могиле. Звуки Академии — звон колоколов, смех, гул заклинаний — здесь обрывались, словно наткнувшись на невидимую стену.

Сад Пепла был мёртв. Деревья, когда-то бывшие живыми, теперь стояли чёрными, обугленными скелетами. Земля под ногами не была землёй — это был мелкий, прохладный пепел, в котором не тонули следы. Воздух пах не гнилью, а стерильной пустотой. Здесь не было Эфира. Совсем. Для любого другого мага это место было бы пыткой — вакуум, высасывающий силы. Для меня — единственным местом в мире, где я могла дышать. Где мой Пепел не конфликтовал с чужой магией, не рвался наружу, не жёг вены.

Я подошла к сухому фонтану в центре сада. Чаша была покрыта слоем серой пыли. Я смахнула её рукавом, и под пеплом обнажился камень. Чёрный базальт.

Я села на край фонтана, достала из-за пазухи тонкую цепочку. На ней висел осколок кристалла. Тусклый, непрозрачный, похожий на кусок мутного стекла. Последнее, что осталось от отца. Он носил его на шее в день казни. Палач срезал цепочку вместе с головой, но кто-то из «Серых Костров» успел подобрать осколок в толпе и позже передал его матери.

— Я здесь, папа, — прошептала я. Голос звучал глухо, будто вата. — Ещё два года. Я выдержу.

Я закрыла глаза и позволила себе роскошь, которую не могла позволить нигде больше. Я отпустила контроль.

Пепел отозвался мгновенно. Он не вырывался, как зверь. Он поднимался из глубины, как tide (прилив). Тёплый. Серый. Он струился по моим рукам, окутывал пальцы. Кожа на секунду стала прозрачной, и я увидела, как под венами пульсирует не красная кровь, а густая, дымчатая субстанция. Трещины на предплечьях — те самые, что я прятала под длинными рукавами — на мгновение засветились изнутри мягким, мертвенным светом.

Я открыла глаза и посмотрела на чашу фонтана. Пепел с моих пальцев осыпался на камень. И там, где он касался базальта, проступали линии. Не вырезанные кем-то. Проявившиеся. Как будто они всегда были там, просто ждали, пока их покормят.

Я наклонилась ближе. Это были символы. Древние. Не современный рунический алфавит Совета Семи, а что-то более старое, угловатое, режущее глаз. Круг, перечёркнутый семью линиями. Каждая линия заканчивалась точкой.

Семь Частот.

Я провела пальцем по одной из линий. Камень был ледяным. Откуда это здесь? Сад был опечатан сразу после Пепельной Войны. Кассиан Пепельный пытался закрыть Разлом здесь? Или Совет запер здесь что-то, что не должно было увидеть свет?

Я достала из кармана уголёк и быстро зарисовала символ в блокнот. Руки дрожали. Не от холода. От предчувствия. Пепел внутри меня suddenly spiked (вдруг всколыхнулся) — не спокойно, а тревожно. Как собака, почуявшая волка.

И тогда я услышала крик.

Он не был громким. Он был... рваным. Звук раздираемой ткани, только издаваемый человеческими связками. Крик пришёл снизу. Из Подземелий. Он оборвался на самой высокой ноте, сменившись абсолютной, звенящей тишиной.

Я замерла. Пепел на моих руках мгновенно впитался обратно, оставив кожу холодной и липкой.

Не твоё дело, Кайра. Не лезь. Ты серая мышь. Мыши не бегают на крики.

Но ноги уже несли меня к пролому в стене. Я выскользнула в колючую траву и побежала к главному корпусу. Сердце колотилось где-то в горле. Я знала этот звук. Так кричат, когда из тебя вырывают что-то, без чего ты не можешь жить. Так кричал отец, когда Клинок Рассвета коснулся его груди.

✦

Утро началось с набата.

Медный колокол на Сердце Академии бил ровно, тяжело, с интервалом в три секунды. *Бам. Бам. Бам.* Код красный. Смерть на территории.

Я стоял во дворе Башни Ветра. Вокруг суетились целители в зелёных мантиях, стражники в серых латах, перешёптывались испуганные ученики. Воздух пах кровью и озоном. Тот самый запах. Запах грозы, которая уже прошла, но оставила после себя выжженную землю.

— Отойдите. Дайте пройти.

Я пробился сквозь толпу. Как староста Башни Стали и внук Ректора, я имел право находиться на месте происшествия. Торен шёл следом, его массивная фигура служила мне живым тараном.

В центре внутреннего дворика, на белых мраморных плитах, лежало тело.

Эрик Аэлин. Четвёртый курс. Башня Ветра. Семнадцать лет. Я знал его в лицо — быстрый, шумный мальчишка, вечно опаздывающий на лекции по аэродинамике. Теперь он был очень тихим. И очень бледным.

Я опустился на одно колено рядом с телом. Целитель, пожилой магистр с Башни Крови, покачал головой:

— Мёртв. Минимум шесть часов назад. Но это не самое странное, Вальдгренн. Смотри.

Целитель откинул воротник рубашки Эрика.

Я втянул воздух сквозь зубы.

На груди мальчика был вырезан символ. Не ножом. Края раны были обуглены, но не огнём. Они были... стёрты. Будто кто-то взял ластик и провёл им по живой плоти, удаляя материю на атомарном уровне. Круг, перечёркнутый семью линиями.

— Кровь? — спросил я, заставляя голос звучать ровно. Стандарт. Только стандарт.

— В теле не осталось ни капли, — ответил целитель. — Но на земле нет ни одной лужи. И самое главное... посмотри на его руки.

Я взял безвольную кисть Эрика. Под кожей, там, где должны были проходить магические каналы — голубые нити, по которым течёт Эфир Ветра, — была чернота. Не некроз. Пустота. Каналы были выжжены изнутри.

— Эфирный ожог? — спросил Торен, стоящий за моим плечом.

— Нет, — тихо сказал я. — Ожог оставляет шрамы. А здесь... здесь просто ничего нет. Как будто магию из него выели. Или стёрли.

Стёрли.

В моей голове вспыхнул образ. Вчерашний день. Коридор. Серо-зелёные глаза. Мой артефактный меч, рассыпающийся в серебряную пыль. *Пепел.*

Я медленно выпрямился и обвёл взглядом толпу учеников. Лица. Бледные, испуганные, любопытные. Я искал. Я не знал, что именно ищу, но знал, что должен найти. Короткие тёмные волосы. Расстёгнутый воротник.

Её здесь не было. Кайры Тэн здесь не было.

— Дариан.

Голос бабки заставил толпу расступиться. Сигрид Вальдгренн-Сталь шла по мрамору, и её шаги не издавали ни звука. Рядом с ней шли трое.

Белые плащи. Высокие воротники, закрывающие нижнюю половину лица. Серебряные маски, лишённые черт, только узкие прорези для глаз.

Инквизиция Рассвета.

Толпа зашумела, потом мгновенно замолкла. Инквизицию не вызывали по пустякам. Они приезжали, когда нужно было не расследовать, а выжигать.

Тот, кто шёл впереди, был ниже остальных, но двигался с той пугающей грацией, которая бывает только у хищников или у тех, кто давно перестал быть человеком. Инквизитор остановился в трёх шагах от меня.

— Наследник Стали, — голос был сухим, лишённым гендерных оттенков, как шелест сухих листьев. — Вы были первым, кто осмотрел тело?

— Да, инквизитор, — я слегка склонил голову. Ровно на пятнадцать градусов. Уважение, но не подчинение.

— Что вы можете сказать о причине смерти?

— Полное обескровливание без внешних следов кровопотери. Уничтожение магических каналов. Символ на груди, предположительно ритуальный.

Инквизитор наклонил голову, рассматривая труп.

— Уничтожение каналов... Не Пламя. Не Тень. И не Кровь. Интересно.

Он поднял голову, и сквозь прорези маски я почувствовал на себе тяжёлый, давящий взгляд.

— Совет объявляет комендантский час. Никто не покидает территорию Академии. Занятия отменяются до особого распоряжения. Мы начнём допросы. Каждый ученик, каждый магистр, каждый слуга пройдёт через нас.

Инквизитор повернулся к Сигрид:

— Ректор, нам понадобятся списки всех, у кого есть предрасположенность к тёмным искусствам. И всех, чьи... родословные вызывают вопросы.

Сигрид кивнула. Её лицо было непроницаемым, как гранит.

— Список будет у вас через час, инквизитор Вейл.

Вейл. Глава Инквизиции Рассвета. Легенда, которой пугали первокурсников. Говорили, что Вейл может почувствовать ложь по изменению пульса, а ересь — по запаху пота.

Я смотрел, как Инквизиция уносит тело. Эрик Аэлин был просто вещью теперь. Уликой.

— Дар, — Торен тихо тронул меня за локоть. — Ты весь белый. Даже для тебя.

— Я в порядке, Торен.

— Ты лжёшь. Ты так сжимаешь челюсть, что у тебя сейчас зубы треснут. Что ты увидел?

Я посмотрел на друга. Торен был магом Камня. Он понимал в структуре, в прочности, в том, что лежит на поверхности. Он не понял бы, почему я вдруг почувствовал тошнотворный страх не за себя, а за девчонку из Башни Камня, которая вчера сломала мой меч. Если Инквизиция узнает, что она носитель Пепла... Вечная Башня. Камера без света, без Эфира, где узники сходят с ума за неделю, потому что их магия начинает пожирать их самих изнутри.

— Ничего, Торен, — сказал я, разжимая кулаки. — Просто... мне не нравится, когда в мой Дом приходят чужаки и отдают приказы.

Торен хмыкнул, явно не поверив, но спорить не стал.

— Идём. Нам нужно запереться в комнатах, пока эти бело-плащные не начали выламывать двери.

Я пошёл за ним. Но по пути, у лестницы, ведущей в жилые корпуса, я остановился. Толпа расходилась, но одна фигура стояла в тени аркады.

Кайра Тэн.

Она была бледна. Даже её обычные серо-зелёные глаза казались огромными и тёмными. Она смотрела на то место, где только что лежало тело Эрика. И её рука — левая, со шрамом на ладони — судорожно сжимала ткань плаща на груди.

Она знала. Я видел это по тому, как она стояла. Не с любопытством зеваки. С ужасом узнавания.

Наши взгляды встретились. На секунду.

В её глазах я не увидел мольбы о помощи. Только немой, яростный вызов: *Только попробуй сдать меня.*

Я отвёл взгляд и пошёл дальше.

Я не собирался её сдавать. Не из жалости. А потому что, если Инквизиция заберёт её, они заберут и тайну моего сломанного меча. А Вальдгренн-Сталь не допускает ошибок. И не позволяет чужакам копаться в своих ошибках.

Но когда я поднимался по лестнице, я чувствовал её взгляд спиной. И впервые за двадцать лет моей безупречной жизни я почувствовал, что Стандарт дал трещину.

Глава 4. Тени в коридорах

Комендантский час в Академии Вечерней Зари пах страхом и хлоркой.

Инквизиция Рассвета не просто ходила по коридорам — она их зачищала. Бело-плащные маги с серебряными масками проносили над полами артефактные курильницы, из которых струился густой, едкий дым. Он должен был нейтрализовать остатки чужой магии, стереть следы, «очистить пространство от скверны». Я сидела в своей каморке под крышей, прижавшись спиной к холодной стене, и слушала, как этот дым просачивается под дверь. Он щипал глаза и вызывал тошноту.

Для обычного мага этот дым был просто неприятен. Для меня, носителя Пепла, он был как удушающий газ. Пепел внутри меня реагировал на «очищение» Инквизиции болезненным, пульсирующим протестом. Трещины на предплечьях ныли, будто под кожей кто-то скрёб раскалённой иглой.

Я сидела в темноте, обхватив колени руками, и считала удары сердца. Раз-два-три-четыре. Ровно. Спокойно. Серая мышь не паникует. Серая мышь прячется в плинтусе и ждёт, пока коты уйдут.

Но коты не уходили. И мышь знала то, чего не знали коты.

Символ на груди Эрика Аэлина. Круг, перечёркнутый семью линиями. Я видела его вчера в Саду Пепла. И мне нужно было вернуться. Не потому что я была храброй — я была в ужасе. Но страх перед неизвестным всегда был сильнее страха перед Инквизицией. Если я не пойму, что происходит, я не смогу выжить. А выживание было моей единственной, выстраданной целью.

Я дождалась, пока тяжёлые, ритмичные шаги стражников Инквизиции стихнут в конце коридора. Затем закрыла глаза и позволила Пеплу подняться к кончикам пальцев. Совсем чуть-чуть. Микроскопическая щепотка. Я провела пальцами по подошвам своих ботинок. Пепел поглотил звук. Теперь, даже если бы я бежала по битому стеклу, мои шаги звучали бы как падение пуха.

Я выскользнула в коридор.

Академия ночью была чужой. Днём она давила величием, готическими шпилями и гулом голосов. Ночью, в вечных сумерках, она напоминала спящего левиафана. Чёрные стены, пронизанные серебряными жилами, слабо пульсировали в такт биению горы. Эфир, текущий в

камне, был тяжёлым, густым. Я избегала касаться стен — чужая магия оставляла на коже липкое ощущение, как паутина.

Я добралась до восточного склона. Пролом в стене Склада 4 зиял чёрной пастью. Я нырнула внутрь.

Тишина Сада Пепла обрушилась на меня, как спасательный круг. Здесь не было Эфира. Здесь не было удушающего дыма Инквизиции. Здесь была только пустота, и мой собственный Пепел, благодарно вздохнувший внутри грудной клетки, перестал ныть.

Я подошла к фонтану. Вчерашний слой пепла нетронут. Никто не приходил. Инквизиция, видимо, посчитала это место просто кучей мёртвых камней, не стоящей внимания. Их высокомерие было моей единственной защитой.

Я смахнула пепел с базальтовой чаши. Символ был на месте. Круг и семь линий. Но сегодня, при свете слабого, болезненного сияния Эфира, пробивающегося через трещины в стене сада, я увидела то, чего не разглядела вчера.

Внутри круга, между линиями, были вырезаны руны. Древний валерийский. Язык, на котором говорили до Первого Разлома, до того, как магия стала проклятием и даром одновременно. Я знала его. Отец учил меня по обрывкам книг, которые приносил домой, пряча под половицами.

Я склонилась над камнем, водя пальцем по острым граням рун. Шрам на левой ладони пульсировал в такт моему дыханию.

«Первая нить порвана. Осталось шесть. Разлом закроется. Тишина воцарится».

Я отшатнулась, будто камень обжёг меня.

Разлом закроется.

В учебниках истории, написанных Советом Семи, Разлом описывался как «Великая Рана Мира», источник Эфира, который нужно контролировать, но нельзя трогать. Кассиан Пепельный восемьсот лет назад пытался его закрыть. Он считал, что магия — это паразит, пожирающий человечество, и что закрытие Разлома вернёт мир в состояние первозданной, чистой тишины. Цена была высока: ритуал требовал колоссальной энергии. Энергии, которую можно было получить только одним способом.

Принеся в жертву по одному магу каждой из Семи Частот. Вырвав их магию с корнем и направив в Разлом, как затычку в бочку.

Эрик Аэлин. Ветер. Первая нить.

Убийца не был маньяком. Не был мстительным духом. Убийца был фанатиком, решившим завершить дело Кассиана Пепельного. И для этого ему нужно было ещё шесть жизней. Шесть магов. Камень, Кровь, Тень, Пламя, Сталь... и Пепел.

Меня пробрал озноб. Не от ночного воздуха. От масштаба. Это была не просто угроза Академии. Это была угроза всему миропорядку. Если Разлом закроется, магия исчезнет. Навсегда. Для кого-то это могло показаться спасением. Но для магов это означало смерть. Наши тела срослись с Эфиром. Без него наши сердца остановятся в течение недели.

— Любопытное место для ночной прогулки, Тэн.

Голос прозвучал так близко, что я вздрогнула и инстинктивно отпрыгнула, вскидывая руки. Пепел рванулся к ладоням, готовый стереть нападающего в пыль, но я усилием воли загнала его обратно. Если я использую Пепел здесь, Инквизиция почувствует всплеск даже сквозь вакуум Сада.

Из тени мёртвого, обугленного дерева шагнул Дариан Вальдгренн-Сталь.

Он был в полной форме старосты, с серебряным значком на груди, который давал ему право передвигаться по Академии во время комендантского часа. В руке он держал не меч, а тонкий жезл-фонарь, излучающий холодный, белый свет. Этот свет падал на его лицо, делая его черты ещё более резкими, а глаза — совершенно ледяными.

Он не был удивлён. Он ждал меня.

— Комендантский час, Вальдгренн, — выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Или старостам разрешено дышать вне расписания?

Дариан не улыбнулся. Он медленно опустил жезл, направляя свет не на меня, а на чашу фонтана.

— Старостам разрешено проверять периметр, — сказал он ровно. — Особенно когда артефакты слежения фиксируют, что кто-то глушит звук своих шагов с помощью запрещённых техник.

Моё сердце пропустило удар. Он засёк меня не потому, что следил. А потому, что аппаратура Башни Стали уловила аномалию. Пепел поглощает вибрации, и для чувствительных кристаллов это выглядит как «дыра» в пространстве.

— Я просто гуляла, — солгала я, делая шаг назад, чтобы заслонить собой фонтан. — Бессонница.

— В Складе 4? — Дариан сделал шаг вперёд. Его ботинки хрустнули по пеплу. Звук был неестественно громким в этой мёртвой тишине. — Здесь нет Эфира, Тэн. Любой маг чувствует себя здесь так, будто ему отрубили голову. Зачем ты сюда пришла?

— Тебе какое дело?

Он остановился в двух шагах от меня. Он был выше меня на голову, и в узком пространстве между фонтаном и стеной это казалось подавляющим. От него пахло озоном, морозом и чем-то металлическим. Запахом Стали.

— Мне есть дело, когда на территории моей Академии убивают учеников, — тихо сказал он.

Он посмотрел мне через плечо. На фонтан.

Я напряглась, готовясь к удару, к крику, к тому, что он сейчас позовёт стражу. Но Дариан просто смотрел на камень. Его взгляд скользнул по символу, задержался на рунах. Я видела, как его зрачки сузились. Он читал. Конечно, он читал. Наследник Дома Стали, будущий архимаг, знал древний валерийский лучше, чем я.

«Первая нить порвана...» — прочитал он вслух. Голос его был абсолютно лишён эмоций, но я почувствовала, как воздух между нами стал тяжелее. — Ритуал Закрытия.

Он перевёл взгляд на меня. В его ледяных глазах больше не было презрения. Там было холодное, расчётливое понимание.

— Ветер был первым, — сказал он. Не вопрос. Утверждение. — Эрик Аэлин.

— Ты думаешь, это сделала я? — спросила я, и в моём голосе прорезалась злая, защитная усмешка. — Потому что я из Башни Камня, а мой отец был Пепельным? Удобно свалить на девчонку с плохой родословной, да, Вальдгренн? Твоя бабка будет в восторге.

Дариан не отвёл глаз.

— Пепел не оставляет следов крови, Тэн. Он стирает материю. Каналы Эрика были не выжжены. Они были аннигилированы. Только носитель Пепла мог сделать это так чисто.

Я сжала кулаки. Ногти впились в ладони, прямо в шрам.

— Докажи, — прошептала я.

Дариан молчал. Секунду. Две. Три. Ветер, которого здесь не должно было быть, шевельнул прядь его светлых волос.

— Я не Инквизиция, — сказал он наконец. — Мне не нужно сажать тебя в клетку, чтобы получить ответы. Мне нужно остановить того, кто это делает. До того, как Инквизиция решит, что проще казнить всех подозреваемых, чем искать настоящего убийцу.

Он сделал ещё один шаг. Теперь он был так близко, что я могла бы ударить его локтем и попасть в челюсть. Но я не двигалась.

— Если убийца завершит ритуал, магия исчезнет, — продолжил Дариан. — Мой Дом, моя семья, моя суть — всё превратится в пыль. Я не позволю этому случиться. И ты не позволишь. Потому что для носителя Пепла исчезновение магии означает то же самое.

Он был прав. И это бесило меня больше всего.

— Что ты хочешь, Вальдгренн?

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне, откуда ты знаешь про этот Сад. И откуда ты знаешь этот символ. Потому что в официальных архивах Академии упоминания о Саде Пепла стёрты подчистую.

Я посмотрела ему в глаза. Искала ложь. Искала подвох. Вальдгренны не помогали. Вальдгренны карали. Но в его взгляде не было трибунала. В его взгляде была та же самая, холодная, отчаянная необходимость выжить и понять, что была и у меня.

— Мой отец приводил меня сюда, — сказала я тихо. Это была правда, которую я не говорила никому. Даже Лире. — До того, как его казнили. Он говорил, что это единственное место, где Совет не может нас услышать.

Дариан кивнул. Коротко. Будто принял отчёт.

— Символ. Ты видела его раньше?

— Вчера. Здесь. На фонтане. Но без рун. Руны появились сегодня.

Дариан нахмурился.

— Значит, убийца был здесь. Сегодня. И он знает, что ты сюда ходишь. Иначе он не оставил бы послание именно здесь.

Холод пробежал по моей спине.

— Он метит территорию?

— Или он метит тебя, Тэн.

Дариан выпрямился и отступил на шаг, восстанавливая дистанцию. Маска безупречного старосты снова легла на его лицо, но теперь я видела трещины в этой маске.

— Возвращайся в комнату, — сказал он сухо. — И постарайся больше не глушить шаги. Аномалии в Эфире привлекают внимание Вейла. А Вейл не такой снисходительный, как я.

Он повернулся и пошёл к пролому в стене. Его спина была прямой, плечи расправлены. Стандарт.

— Вальдгренн! — окликнула я его.

Он остановился, но не обернулся.

— Почему ты меня не сдал? — спросила я. Вопрос повис в мёртвом воздухе. — Ты знал про меч. Ты знаешь, что я носитель Пепла. Почему ты не отдал меня Инквизиции?

Дариан медленно повернул голову. В полумраке его глаза казались почти чёрными.

— Потому что мой меч был артефактным, Тэн. И если Совет узнает, что девчонка с пятого курса рассыпала его в пыль одним касанием, они поймут, что мой контроль над Сталью несовершенен. А Вальдгренн-Сталь не допускает несовершенства.

Он говорил о чести. О гордости. О страхе перед бабкой. Это было логично. Это было в его духе.

Но когда он снова повернулся и шагнул в темноту коридора, я почувствовала через пустоту Сада слабый, почти неуловимый отголосок его Эфира. И в этом Эфире не было торжества. В нём было напряжение.

Он лгал. Не полностью. Но лгал.

Он не сдал меня не только из-за меча.

Я осталась одна у фонтана. Посмотрела на руны. «Осталось шесть».

Ветер был первым. Следующей целью могла быть любая из оставшихся Частот. Камень. Кровь. Тень. Пламя. Сталь.

Сталь.

Я посмотрела на пролом в стене, куда ушёл Дариан. Наследник Дома Стали. Самый сильный маг курса. Идеальная жертва для шестой нити.

Я сжала кулак, чувствуя, как под кожей шевелится Пепел.

— Если ты думаешь, что я позволю кому-то убить тебя раньше, чем я сама, Вальдгренн, — прошептала я в пустоту, — ты глубоко ошибаешься.

Я развернулась и пошла обратно в Академию. Шаги мои были слышны. Тихие, но слышные. Пусть слышат. Серая мышь закончилась. Начиналась охота.

Глава 4. Тени в коридорах

Комендантский час в Академии Вечерней Зари пах страхом и хлоркой.

Инквизиция Рассвета не просто ходила по коридорам — она их зачищала. Бело-плащные маги с серебряными масками проносили над полами артефактные курильницы, из которых струился густой, едкий дым. Он должен был нейтрализовать остатки чужой магии, стереть следы, «очистить пространство от скверны». Я сидела в своей каморке под крышей, прижавшись спиной к холодной стене, и слушала, как этот дым просачивается под дверь. Он щипал глаза и вызывал тошноту.

Для обычного мага этот дым был просто неприятен. Для меня, носителя Пепла, он был как удушающий газ. Пепел внутри меня реагировал на «очищение» Инквизиции болезненным, пульсирующим протестом. Трещины на предплечьях ныли, будто под кожей кто-то скрёб раскалённой иглой.

Я сидела в темноте, обхватив колени руками, и считала удары сердца. *Раз-два-три-четыре.* Ровно. Спокойно. Серая мышь не паникует. Серая мышь прячется в плинтусе и ждёт, пока коты уйдут.

Но коты не уходили. И мышь знала то, чего не знали коты.

Символ на груди Эрика Аэлина. Круг, перечёркнутый семью линиями. Я видела его вчера в Саду Пепла. И мне нужно было вернуться. Не потому что я была храброй — я была в ужасе. Но страх перед неизвестным всегда был сильнее страха перед Инквизицией. Если я не пойму, что происходит, я не смогу выжить. А выживание было моей единственной, выстраданной целью.

Я дождалась, пока тяжёлые, ритмичные шаги стражников Инквизиции стихнут в конце коридора. Затем закрыла глаза и позволила Пеплу подняться к кончикам пальцев. Совсем чуть-чуть. Микроскопическая щепотка. Я провела пальцами по подошвам своих ботинок. Пепел поглотил звук. Теперь, даже если бы я бежала по битому стеклу, мои шаги звучали бы как падение пуха.

Я выскользнула в коридор.

Академия ночью была чужой. Днём она давила величием, готическими шпилями и гулом голосов. Ночью, в вечных сумерках, она напоминала спящего левиафана. Чёрные стены, пронизанные серебряными жилами, слабо пульсировали в такт биению горы. Эфир, текущий в камне, был тяжёлым, густым. Я избегала касаться стен — чужая магия оставляла на коже липкое ощущение, как паутина.

Я добралась до восточного склона. Пролом в стене Склада 4 зиял чёрной пастью. Я нырнула внутрь.

Тишина Сада Пепла обрушилась на меня, как спасательный круг. Здесь не было Эфира. Здесь не было удушающего дыма Инквизиции. Здесь была только пустота, и мой собственный Пепел, благодарно вздохнувший внутри грудной клетки, перестал ныть.

Я подошла к фонтану. Вчерашний слой пепла нетронут. Никто не приходил. Инквизиция, видимо, посчитала это место просто кучей мёртвых камней, не стоящей внимания. Их высокомерие было моей единственной защитой.

Я смахнула пепел с базальтовой чаши. Символ был на месте. Круг и семь линий. Но сегодня, при свете слабого, болезненного сияния Эфира, пробивающегося через трещины в стене сада, я увидела то, чего не разглядела вчера.

Внутри круга, между линиями, были вырезаны руны. Древний валерийский. Язык, на котором говорили до Первого Разлома, до того, как магия стала проклятием и даром одновременно. Я знала его. Отец учил меня по обрывкам книг, которые приносил домой, пряча под половицами.

Я склонилась над камнем, водя пальцем по острым граням рун. Шрам на левой ладони пульсировал в такт моему дыханию.

«Первая нить порвана. Осталось шесть. Разлом закроется. Тишина воцарится».

Я отшатнулась, будто камень обжёг меня.

Разлом закроется.

В учебниках истории, написанных Советом Семи, Разлом описывался как «Великая Рана Мира», источник Эфира, который нужно контролировать, но нельзя трогать. Кассиан Пепельный восемьсот лет назад пытался его закрыть. Он считал, что магия — это паразит, пожирающий человечество, и что закрытие Разлома вернёт мир в состояние первозданной, чистой тишины. Цена была высока: ритуал требовал колоссальной энергии. Энергии, которую можно было получить только одним способом.

Принеся в жертву по одному магу каждой из Семи Частот. Вырвав их магию с корнем и направив в Разлом, как затычку в бочку.

Эрик Аэлин. Ветер. Первая нить.

Убийца не был маньяком. Не был мстительным духом. Убийца был фанатиком, решившим завершить дело Кассиана Пепельного. И для этого ему нужно было ещё шесть жизней. Шесть магов. Камень, Кровь, Тень, Пламя, Сталь... и Пепел.

Меня пробрал озноб. Не от ночного воздуха. От масштаба. Это была не просто угроза Академии. Это была угроза всему миропорядку. Если Разлом закроется, магия исчезнет. Навсегда. Для кого-то это могло показаться спасением. Но для магов это означало смерть. Наши тела срослись с Эфиром. Без него наши сердца остановятся в течение недели.

— Любопытное место для ночной прогулки, Тэн.

Голос прозвучал так близко, что я вздрогнула и инстинктивно отпрыгнула, вскидывая руки. Пепел рванулся к ладоням, готовый стереть нападающего в пыль, но я усилием воли загнала его обратно. Если я использую Пепел здесь, Инквизиция почувствует всплеск даже сквозь вакуум Сада.

Из тени мёртвого, обугленного дерева шагнул Дариан Вальдгренн-Сталь.

Он был в полной форме старосты, с серебряным значком на груди, который давал ему право передвигаться по Академии во время комендантского часа. В руке он держал не меч, а тонкий жезл-фонарь, излучающий холодный, белый свет. Этот свет падал на его лицо, делая его черты ещё более резкими, а глаза — совершенно ледяными.

Он не был удивлён. Он ждал меня.

— Комендантский час, Вальдгренн, — выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Или старостам разрешено дышать вне расписания?

Дариан не улыбнулся. Он медленно опустил жезл, направляя свет не на меня, а на чашу фонтана.

— Старостам разрешено проверять периметр, — сказал он ровно. — Особенно когда артефакты слежения фиксируют, что кто-то глушит звук своих шагов с помощью запрещённых техник.

Моё сердце пропустило удар. Он засёк меня не потому, что следил. А потому, что аппаратура Башни Стали уловила аномалию. Пепел поглощает вибрации, и для чувствительных кристаллов это выглядит как «дыра» в пространстве.

— Я просто гуляла, — солгала я, делая шаг назад, чтобы заслонить собой фонтан. — Бессонница.

— В Складе 4? — Дариан сделал шаг вперёд. Его ботинки хрустнули по пеплу. Звук был неестественно громким в этой мёртвой тишине. — Здесь нет Эфира, Тэн. Любой маг чувствует себя здесь так, будто ему отрубили голову. Зачем ты сюда пришла?

— Тебе какое дело?

Он остановился в двух шагах от меня. Он был выше меня на голову, и в узком пространстве между фонтаном и стеной это казалось подавляющим. От него пахло озоном, морозом и чем-то металлическим. Запахом Стали.

— Мне есть дело, когда на территории моей Академии убивают учеников, — тихо сказал он.

Он посмотрел мне через плечо. На фонтан.

Я напряглась, готовясь к удару, к крику, к тому, что он сейчас позовёт стражу. Но Дариан просто смотрел на камень. Его взгляд скользнул по символу, задержался на рунах. Я видела, как его зрачки сузились. Он читал. Конечно, он читал. Наследник Дома Стали, будущий архимаг, знал древний валерийский лучше, чем я.

«Первая нить порвана...» — прочитал он вслух. Голос его был абсолютно лишён эмоций, но я почувствовала, как воздух между нами стал тяжелее. — Ритуал Закрытия.

Он перевёл взгляд на меня. В его ледяных глазах больше не было презрения. Там было холодное, расчётливое понимание.

— Ветер был первым, — сказал он. Не вопрос. Утверждение. — Эрик Аэлин.

— Ты думаешь, это сделала я? — спросила я, и в моём голосе прорезалась злая, защитная усмешка. — Потому что я из Башни Камня, а мой отец был Пепельным? Удобно свалить на девчонку с плохой родословной, да, Вальдгренн? Твоя бабка будет в восторге.

Дариан не отвёл глаз.

— Пепел не оставляет следов крови, Тэн. Он стирает материю. Каналы Эрика были не выжжены. Они были аннигилированы. Только носитель Пепла мог сделать это так чисто.

Я сжала кулаки. Ногти впились в ладони, прямо в шрам.

— Докажи, — прошептала я.

Дариан молчал. Секунду. Две. Три. Ветер, которого здесь не должно было быть, шевельнул прядь его светлых волос.

— Я не Инквизиция, — сказал он наконец. — Мне не нужно сажать тебя в клетку, чтобы получить ответы. Мне нужно остановить того, кто это делает. До того, как Инквизиция решит, что проще казнить всех подозреваемых, чем искать настоящего убийцу.

Он сделал ещё один шаг. Теперь он был так близко, что я могла бы ударить его локтем и попасть в челюсть. Но я не двигалась.

— Если убийца завершит ритуал, магия исчезнет, — продолжил Дариан. — Мой Дом, моя семья, моя суть — всё превратится в пыль. Я не позволю этому случиться. И ты не позволишь. Потому что для носителя Пепла исчезновение магии означает то же самое.

Он был прав. И это бесило меня больше всего.

— Что ты хочешь, Вальдгренн?

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне, откуда ты знаешь про этот Сад. И откуда ты знаешь этот символ. Потому что в официальных архивах Академии упоминания о Саде Пепла стёрты подчистую.

Я посмотрела ему в глаза. Искала ложь. Искала подвох. Вальдгренны не помогали. Вальдгренны карали. Но в его взгляде не было трибунала. В его взгляде была та же самая, холодная, отчаянная необходимость выжить и понять, что была и у меня.

— Мой отец приводил меня сюда, — сказала я тихо. Это была правда, которую я не говорила никому. Даже Лире. — До того, как его казнили. Он говорил, что это единственное место, где Совет не может нас услышать.

Дариан кивнул. Коротко. Будто принял отчёт.

— Символ. Ты видела его раньше?

— Вчера. Здесь. На фонтане. Но без рун. Руны появились сегодня.

Дариан нахмурился.

— Значит, убийца был здесь. Сегодня. И он знает, что ты сюда ходишь. Иначе он не оставил бы послание именно здесь.

Холод пробежал по моей спине.

— Он метит территорию?

— Или он метит тебя, Тэн.

Дариан выпрямился и отступил на шаг, восстанавливая дистанцию. Маска безупречного старосты снова легла на его лицо, но теперь я видела трещины в этой маске.

— Возвращайся в комнату, — сказал он сухо. — И постарайся больше не глушить шаги. Аномалии в Эфире привлекают внимание Вейла. А Вейл не такой снисходительный, как я.

Он повернулся и пошёл к пролому в стене. Его спина была прямой, плечи расправлены. Стандарт.

— Вальдгренн! — окликнула я его.

Он остановился, но не обернулся.

— Почему ты меня не сдал? — спросила я. Вопрос повис в мёртвом воздухе. — Ты знал про меч. Ты знаешь, что я носитель Пепла. Почему ты не отдал меня Инквизиции?

Дариан медленно повернул голову. В полумраке его глаза казались почти чёрными.

— Потому что мой меч был артефактным, Тэн. И если Совет узнает, что девчонка с пятого курса рассыпала его в пыль одним касанием, они поймут, что мой контроль над Сталью несовершенен. А Вальдгренн-Сталь не допускает несовершенства.

Он говорил о чести. О гордости. О страхе перед бабкой. Это было логично. Это было в его духе.

Но когда он снова повернулся и шагнул в темноту коридора, я почувствовала через пустоту Сада слабый, почти неуловимый отголосок его Эфира. И в этом Эфире не было торжества. В нём было напряжение.

Он лгал. Не полностью. Но лгал.

Он не сдал меня не только из-за меча.

Я осталась одна у фонтана. Посмотрела на руны. *«Осталось шесть».*

Ветер был первым. Следующей целью могла быть любая из оставшихся Частот. Камень. Кровь. Тень. Пламя. Сталь.

Сталь.

Я посмотрела на пролом в стене, куда ушёл Дариан. Наследник Дома Стали. Самый сильный маг курса. Идеальная жертва для шестой нити.

Я сжала кулак, чувствуя, как под кожей шевелится Пепел.

— Если ты думаешь, что я позволю кому-то убить тебя раньше, чем я сама, Вальдгренн, — прошептала я в пустоту, — ты глубоко ошибаешься.

Я развернулась и пошла обратно в Академию. Шаги мои были слышны. Тихие, но слышные. Пусть слышат. Серая мышь закончилась. Начиналась охота.

Глава 5. Клятва на крови и серебре

Очередь на допрос тянулась через весь третий этаж Сердца Академии — от ритуального зала до лестницы, ведущей в Подземелья. Двести учеников. Может, триста. Все молчали. Никто не шутил, не перешёптывался, не толкался. Тишина была густой, липкой, как смола. Даже первокурсники, обычно шумные и непоседливые, стояли с каменными лицами, прижимая к груди сумки, как щиты.

Я стояла в очереди уже сорок минут. Между мной и дверью ритуального зала было ещё человек тридцать. Тридцать парней и девушек, которые зайдут туда, сядут перед серебряной маской, ответят на вопросы и выйдут. Кто-то бледный. Кто-то в слезах. Кто-то с пустыми глазами. Но все — живые. Пока.

Лира стояла за мной. Её рыжие косички были собраны в тугой узел на затылке — непривычно строго. Обычно она украшала их бусинами из чёрного стекла, маленькими иллюзорными мотыльками, которые порхали вокруг головы. Сегодня мотыльков не было. Лира сказала, что не хочет привлекать внимание. Это было умно. И страшно. Потому что Лира Мортвейн без иллюзий — как птица без крыльев.

— Не смотри им в глаза, — прошептала Лира, наклонившись к моему уху. — Если Вейл спросит про магию, отвечай односложно. Не оправдывайся. Не объясняй. Оправдания звучат как ложь.

— Я знаю, — сказала я.

— Ты не знаешь. Ты думаешь, что знаешь. Но когда они смотрят на тебя сквозь маску, ты забываешь, как дышать.

Я знала, как дышать. Я училась этому двенадцать лет. Вдох на четыре счёта. Задержка на четыре. Выдох на четыре. Ровно. Спокойно. Серая мышь не паникует.

Очередь сдвинулась. Из зала вышла девушка с Башни Крови. Четвёртый курс. Её трясло. Она прижимала руку к груди, и я видела, как под её пальцами пульсирует багровый свет — она пыталась успокоить себя целительским заклинанием, но руки не слушались.

— Следующий, — голос из-за двери. Сухой. Безликий.

Девушка ушла, не оглядываясь. Я шагнула вперёд. Лира сжала мою руку на секунду. Коротко. Крепко. Потом отпустила.

Я вошла.

Ритуальный зал Сердца был огромным — круглым, с куполом из чёрного камня, в котором были вмурованы сотни серебряных нитей. Обычно здесь проводились экзамены, церемонии, посвящения. Сегодня зал был пуст. В центре стоял один стол. Два стула. На столе — серебряный кубок, наполненный жидкостью, которая не была водой. Она была слишком густой, слишком тёмной. Артефакт правды. Я знала о таких. Они реагировали на ложь изменением цвета. Если ты лжёшь, жидкость чернеет. Если говоришь правду — остаётся прозрачной.

За столом сидел Вейл.

Без маски. Впервые я видела лицо Инквизитора. И это было... разочаровывающе. Не шрам. Не третий глаз. Не клыки. Просто лицо. Узкое, с резкими скулами. Кожа бледная, почти прозрачная, как у человека, который не видел солнца годами. Глаза — светло-серые, водянистые, без ресниц. Ни мужские, ни женские. Просто глаза. И рот — тонкая линия, не выражающая ничего.

Вейл носил местоимение «они». Так говорили в Академии. Не «он», не «она». «Они». Инквизитор Вейл. Глава Инквизиции Рассвета. Говорили, что Вейл не был рождён. Что Совет создал его восемьсот лет назад, сразу после Пепельной Войны. Что он был не человеком, а заклинанием, получившим плоть. Я не знала, правда ли это. Но, глядя в эти водянистые глаза, я верила.

— Сядьте, госпожа Тэн.

Голос был тихим. Не громким, не властным. Просто — присутствующим. Как стена. Как пол. Как воздух.

Я села. Спина прямая. Руки на коленях. Ладони лежали плоско на ткани юбки. Шрам на левой руке был виден. Я не прятала его. Прятать — значит привлекать внимание.

Вейл смотрел на меня. Долго. Не моргая. Я считала секунды. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь.

— Кайра Альдерик Тэн, — произнёс Вейл. Не вопрос. Констатация. — Пятый курс. Башня Камня. Магия Камня. Ранг — Уголёк. Средние оценки. Ничем не примечательна.

Пауза.

— Кроме одного.

Я молчала. Вдох на четыре. Задержка на четыре. Выдох на четыре.

— Ваш отец, — продолжил Вейл, — Альдерик Тэн. Казнён двадцать лет назад. Обвинение: измена, использование Запрещённой Частоты, заговор против Совета Семи. — Вейл наклонил голову на два градуса. — Вы помните его?

— Мне было семь лет, — сказала я. Ровно. Сухо.

— Семь лет — достаточный возраст, чтобы запомнить казнь.

Я не ответила.

Вейл придвинул кубок ближе. Жидкость внутри была прозрачной. Как слеза.

— Вы используете магию Камня. Четвёртый ранг. Укрепление базового порядка. Верно?

— Верно.

Жидкость не изменилась. Я говорила правду. Технически. Я *использовала* магию Камня. Я не сказала, что это единственная магия, которую я использую.

— В ночь убийства Эрика Аэлина вы находились в своей комнате. Башня Камня, седьмой этаж. Верно?

— Верно.

Жидкость прозрачна. Ложь. Я была в Саду Пепла. Но Вейл спросил, была ли я *в своей комнате*. Я ответила «верно», подразумевая, что я *вернулась* в свою комнату. Формулировка. Семантика. Артефакт правды реагировал на прямую ложь, но не на двусмысленность. Я знала это. Все, кто вырос в страхе, знают это.

Вейл смотрел на кубок. Прозрачный. Его водянистые глаза не изменились. Но что-то в воздухе сгустилось.

— У вас интересные глаза, госпожа Тэн.

Я не моргнула.

— Серо-зелёные. С чёрными вкраплениями. Редкая пигментация.

— Мать говорила, что это от недоедания в детстве, — сказала я.

Вейл улыбнулся. Тонкая линия рта растянулась на миллиметр. Не теплее. Не добрее. Просто — растянулась.

— Ваша мать умерла, когда вам было восемь. От голода. В приюте для детей врагов народа. Она не могла говорить вам о пигментации после вашей смерти.

Тишина.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Не потому что он был прав. А потому что он *знал*. Он читал моё дело. Не только академическое. Полное. С грифом Инквизиции.

— Я имела в виду, что она говорила это до смерти, — сказала я. Голос ровный. Почти.

Вейл наклонил голову.

— Конечно. — Пауза. — И последний вопрос, госпожа Тэн. Вы когда-нибудь чувствовали в себе... что-то иное? Что-то, что не соответствует вашей задекларированной Частоте?

Вопрос повис в воздухе.

Я смотрела на Вейла. Вейл смотрел на меня. Кубок между нами. Прозрачная жидкость.

Если я скажу «нет», это будет ложь. Жидкость почернеет. И тогда всё кончено.

Если я скажу «да», это будет правда. И тогда всё кончено.

Вдох на четыре. Задержка на четыре. Выдох на четыре.

— Я чувствую усталость, — сказала я. — И голод. Потому что пропустила завтрак, стоя в вашей очереди. Это считается?

Тишина. Три секунды. Пять. Семь.

Вейл откинулся на спинку стула.

— Вы свободны, госпожа Тэн.

Я встала. Ноги были ватными. Я пошла к двери. Не быстро. Не медленно. Ровно. Как серая мышь, которая не хочет привлекать внимание кота.

Уже у двери, когда моя ладонь легла на ручку, Вейл сказал:

— Госпожа Тэн.

Я остановилась. Не обернулась.

— Пепел не пахнет, — сказал Вейл. — Но он оставляет след. На вещах. На людях. На душе. Будьте осторожны с тем, что вы носите.

Я вышла. Дверь закрылась за мной. Коридор. Толпа. Гул. Лира бросилась ко мне, схватила за руку.

— Ты жива. Ты вышла. Что они...

— Ничего, — сказала я. — Ничего не спросили.

Лира смотрела на меня. Не поверила. Но не стала давить.

Я пошла по коридору. Ноги несли меня. Автоматически. Вперёд. Вниз. В Башню Камня. В мою каморку под крышей. Запереть дверь. Сесть на пол. Дышать.

Но я не дошла.

На лестнице между вторым и третьим этажом меня догнал голос:

— Тэн.

Я остановилась. Обернулась.

Дариан Вальдгренн-Сталь стоял у окна. Серебряный значок старосты на груди ловил свет вечных сумерек. Лицо — маска. Но глаза — не ледяные. Внимательные. Оценивающие.

— Ректор вызывает, — сказал он. — Немедленно.

Я смотрел на него. Он на меня. Между нами — три ступени и двенадцать лет ненависти.

— Зачем? — спросила я.

— Не знаю. Но она вызвала нас обоих.

✦

Кабинет Ректора находился на вершине Сердца Академии. Круглая комната с прозрачными стенами. Отсюда было видно всё: семь Башен, двор, Сад Пепла вдали, горный хребет, вечные сумерки. Сигрид Вальдгренн-Сталь сидела за столом из чёрного камня. Перед ней — два стула. Мы сели.

Дариан — слева от меня. На расстоянии вытянутой руки. Я чувствовала запах его магии. Озон. Мороз. Сталь. Меня тошнило.

Сигрид молчала. Долго. Смотрела на нас. Потом заговорила.

— Убийства в моей Академии — это не просто преступление, — сказала она. Голос был ровным. Не громким. Но каждое слово падало, как камень в воду. — Это удар по репутации Дома. По стабильности Совета. По всему, что мы строили восемьсот лет. Инквизиция здесь. Совет Семи наблюдает. Если мы не найдём убийцу быстро и тихо, Академия будет закрыта. Навсегда.

Она перевела взгляд на Дариана.

— Ты назначен главным расследующим от Академии.

Дариан кивнул. Ни один мускул не дрогнул.

— Но ты не справишься один, — продолжила Сигрид. — Убийца использует технику, которая не зафиксирована в наших архивах. Каналы жертв не выжжены — они стёрты. Аннигилированы. Это не Пламя. Не Тень. Не Кровь.

Она повернулась ко мне.

— Это Пепел.

Слово упало в тишину, как клинок на камень.

Я не дрогнула. Не отвела глаз. Я научилась не дрогать. Двенадцать лет практики.

— Госпожа Тэн, — сказала Сигрид. — Вы дочь Альдерика Тэна. Носителя Пепла. Вы выросли в среде, где Пепел был нормой. Вы знаете его запах. Его след. Его логику. Вы мне нужны.

— Нет, — сказала я.

Сигрид не моргнула.

— Это не просьба.

— Мне плевать, просьба это или нет. Я не буду работать с ним. — Я не посмотрела на Дариана. Не нужно было. Я чувствовала его рядом. Как холодную стену. — Я не буду работать с Вальдгренном-Сталь.

— Тогда я передам Инквизиции запись с артефакта наблюдения, — сказала Сигрид.

Тишина.

— Третья кладовая. Башня Камня. Два дня назад. Полночь. Запись показывает, как вы создаёте сферу распада. Серая энергия. Пепел. — Сигрид говорила ровно. Без угрозы. Просто факты. — Запись будет передана инквизитору Вейлу в течение часа. Если вы откажетесь.

Я смотрела на неё. На эту женщину. На эту стальную статую с глазами цвета зимнего неба. Которая подписала приказ об аресте моего отца. Которая двадцать лет назад отправила его на эшафот. И теперь сидела передо мной и шантажировала меня записью моей магии.

Я хотела убить её. Прямо сейчас. Пепел рванулся изнутри, горячий, яростный, живой. Трещины на руках вспыхнули. Я сжала кулаки. Подавила.

— Что требуется? — спросила я. Голос был плоским. Мёртвым.

— Расследование, — сказала Сигрид. — Совместное. Вы чувствуете след Пепла. Дариан фиксирует данные. Вместе вы найдёте убийцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.